Илья Бояшов

ТРЕЗВЫЙ ГУСАР

ЛИМБУС ПРЕСС

Илья Владимирович Бояшов
Трезвый гусар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70838350
Трезвый гусар:
ISBN 978-5-8370-0951-8

Аннотация

Сумский гусар, отъявленный гуляка, которого переводят из Малороссии в расквартированный в Петергофе Конно-гренадерский полк, не по своей воле становится трезвенником. Его замечает сам император-миротворец Александр III и приближает к себе. Однако участь Михайлы Музы́ки трагична – в жизнь царского любимца вмешиваются темные силы, и это приводит к совершенно неожиданной развязке.

В новую книгу лауреата премии «Национальный бестселлер» Ильи Бояшова, помимо заглавной повести, также вошли эссе и рассказ, связанные «одной цепью», – все они так или иначе повествуют о легендах и реальных событиях, в разное время произошедших в столь любимом автором городе фонтанов – Петергофе.

Содержание

Петергофские старины 6
Трезвый гусар 6
I 6
II 9
III 15
IV 18
V 21
VI 25
VII 26
VIII 28
IX 30
X 32
XI 34
XII 38
XIII 40
XIV 41
XV 43
XVI 44
XVII 46
XVIII 48
XIX 49
XX 51
XXI 53

XXII 54
XXIII 56
XXIV 57
XXV 59
XXVI 60
XXVII 61
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Илья Бояшов
Трезвый гусар

© Илья Бояшов, текст, 2024
© ООО «Издательство К. Тублина», 2024
© А. Веселов, оформление, 2024

Петергофские старины

Трезвый гусар

I

Случилось это в ту пору, когда, как говорится, гусары были дики и грубы, усы закрывали им всю щеку, и, не проспавшись еще от вчерашнего хмеля, с утра на плацу они напивались вновь, однако и пьяные карьером так исполняли деплояду, что любо-дорого было на этот их маневр смотреть.

Служил в те времена корнетом в Сумском гусарском полку малоросс Михайла Михайлович Музы́ка, родом из обедневших шляхтичей – из всей родни имел он лишь старенькую мать, которой отсылал в родовое именьице под Житомиром половину жалованья. Этот Музыка ростом был столь великого, что, когда вскакивал в седло, казалось, самого высокого жеребца держит между ног, словно малого конька, и славился силой даже среди сумцев, которые все как на подбор были молодцы. На спор поднял он однажды на своих плечах брюхатую кобылу. Однако не тем Музыка славился, и даже не пригожестью, заставлявшей оборачиваться на него любую дивчину, а невероятным умением выпивать чуть ли

не бочками самую ядреную, самую крепкую водку и оставаться при этом на ногах. Удивительную особенность своего организма раз за разом демонстрировал он на попойках, перепивая товарищей и без числа выигрывая пари. Но несмотря на то, что происходил Музыка из местности, где любой парубок самого ушлого еврея за пояс заткнет, имел богатырь нрав совершенно простодушный, давал в долг налево и направо, зачастую забывая о нем, чем многие его должники беззастенчиво пользовались, выпрашивая денег еще, тем более что гро́ши к Михайле благодаря картам, в которых ему более других везло, словно клеились.

Жил корнет, не тужил, пока не пришел приказ из Петербурга придать по эскадрону сумцев, изюмцев и мариупольцев славному лейб-гвардии Конно-гренадерскому полку: среди отбывающих к месту новой службы оказался и наш Музыка.

Сумцы тогда квартировали под Смоленском, однако рекрутов и лошадей для себя гусары по-прежнему брали из родных Сум, вот почему, вызвав корнета и протянув ему подготовленные бумаги, командир сказал Михайле, подергав свой ус:

– Знаю, трудно гусару оставлять гнездо, к которому он так привык, и менять доломан и ташку на гренадерский мундир, но долг обязывает. Кроме того, служить в конногренадерах – значит быть возле государя, ибо стоят они в самом Петергофе, а это великая честь. Только сослужи-ка ты прежде мне,

брат, службу. Поезжай-ка с командой за рекрутами, и как отправишь их сюда с сопровожатыми, то и сам свободен: прямиком направляйся к новому месту. А теперь ступай к казначею за подорожными, от меня же прими за верную службу конверт. Жаль отпускать такого молодца, да ничего не поделаешь, не забывай нас, хотя последнее мое напутствие лишнее, разве можно забыть такую жизнь.

Делать нечего, корнет, погоревав с остающимися полковыми товарищами о прежней вольнице (некоторые с искренним сожалением расставались с ним еще и потому, что теряли забывчивого кредитора), закатил пирушку, о которой многие потом долго помнили, и поехал в Сумы. Выполнив там исправно все поручения, отправил Музыка с двумя вахмистрами новобранцев к Смоленску, пообедал в трактире при номерах и, не откладывая дела в долгий ящик, поворотил коня к заставе, намереваясь за неделю доскакать до Петергофа, а выданные полковником и казначеем ассигнации употребить на самые дорогие по пути гостиницы. Да вот сразу пошло все не так, как им было задумано. Выехав из городка, наткнулся Михайла на скверного вида экипаж, переднее колесо которого валялось на дороге: возница уже выпрягал лошадей. Возле экипажа переминался с ноги на ногу господин, чернявый, словно цыган: он, обрадовавшись гусару, назвался местным помещиком. Соскочив со своего Амура, без труда приподнял гусар допотопную карету, на ось которой возницей было насажено злосчастное колесо. После недолго-

го ремонта собрался уже Музыка ехать дальше, но помещик принялся его уговаривать вернуться с ним в Сумы, намереваясь хорошо гусара угостить. Никакие отговорки не помогли, хозяин экипажа вцепился в своего спасителя, словно клещ. Поразмыслив и решив, что несколько часов отсрочки не помешают путешествию, Музыка согласился на обед, несмотря на то, что живот его еще был полон чугунком густого борща и каплуном с тарелкой каши – однако что для гусара такая пища! при случае ему и целый казан подавай!

II

Отправились они в город и вскоре оказались в доме помещика за столом, на который тотчас наметала дворня всяких яств, словно и ждала гостя. Хозяин, расположив гусара рядом с собой, показал на двух появившихся в зале здоровенных детин:

– А это мои сыновья! Старшему стукнуло уже двадцать пять годков. Подковы гнет. Но младшенький, хоть ему еще осьмнадцать, во всем старшего переплюнул: когда в доме у нашего почтмейстера случился пожар, он на себе не только дорогие шкапы французской работы, но и целый рояль вытащил. Кабы сыновья со мной в нынешней поездке были, о помощи бы и речи не шло.

Чернявые молодцы уселись за стол и вместе с папашей и гостем принялись так убирать свинину и баранину, что за

ушами затрещало. Музыка по гусарской привычке от водки не отказывался, хозяин не отставал. После того как опустошили они пару графинчиков и принялись уже третий уговаривать, помещик заметил с одобрением, что сам он не дурак на хорошую выпивку и много раз оставался сидеть за столом, в то время как остальные валились вокруг, как снопы. Навидался он за свою жизнь и всяких крепких военных, которых тоже пересиживал, но вот его новый знакомый, пожалуй, будет ему равным.

Простодушный Михайла тогда и поведал о своем даре. Хозяин его словам не поверил. Музыка, разгорячившись, пообещал, что тотчас покажет свое умение. Хозяин стукнул кулаком так, что запрыгала по столу посуда:

– Я все Сумы перепивал, а уж в этом городке проживают такие пьяницы, которые и черта упоят, но никто еще со мною сравняться не смог! Давай-ка побьемся об заклад, что меня тебе не перескочить, а секундантом будет мой старший!

Здесь бы корнету дать задний ход и вспомнить о дороге, однако слова помещика Музыку крепко задели. Побились они об заклад. Старший детина разбил им руки, и помещик тогда крикнул дворне, чтобы та несла из погреба всю водку, которая там только найдется. Затем уселись гость с хозяином друг напротив друга, раздвинув тарелки, и принялись за работу, закусывая каждый стакан, как и было уговорено, лишь соленым огурчиком. Хоть помещик оказался на удивление крепким и, раз за разом вливая в себя водку, лишь крякал

и утирался салфеткой, да вот только Михайлу было ему не одолеть. К вечеру хозяин едва удерживался на стуле и весь почернел, словно помидор. Сумец же сидел как ни в чем не бывало, разве что расстегнул ворот своего доломана. Вслед за вечером ночь заглянула: показался в окне месяц, и хозяин свалился намертво.

О дороге и речи уже не шло. Дворовая девка привела Музыку в отведенную ему комнату и оставила там до утра.

Отоспавшись, собирался гусар откланяться, да не тут-то было! Встретили его помещичьи сыновья. Младший молвил:

– Папаша наш больной лежит; что поделать – старость не в радость! Впрочем, нехитро перепить старика – а попробуй-ка потягаться с моим старшим братцем.

Взяли они Музыку с двух сторон за рукава и повели за собой. В зале стол вновь чуть ли не трещал от снеди. Делать нечего: гусар скинул ментик и ударил со старшим по рукам, а младшенький сделался секундантом. Старший взял было в рот вчерашнюю водку, поморщился, выплюнул и говорит:

– Разве это питье, что вы с папашей пили? Черт знает что это, а не питье! Тьфу! Его младенцам давать вместо материнского молока, и то ничего они не почуют и не чихнут даже. – И обратился к дворне: – Несите-ка нам лучше сюда нашей горилки, да такой, чтобы горло продирала почище самого крепкого перца, чтобы дух от одного только ее запаха захватывало.

Не успел он это сказать, как появилась на столе бутыль,

которую и руками-то было не обхватить. Принялись старший помещичий сын с гусаром за горилку, а младший взялся следить, чтобы у каждого в стакане зелья было поровну. Вот уже солнце принялось переползать из одного окна в другое, а они все пьют и закусывают. И насколько горилка оказалась злой, что у одного и у другого чуть ли не дым изо рта валит. Здесь даже привычный к полковому гулянью Музыка начал утомляться. Однако он виду не подает, и старший помещичий сынок ему ни в чем не уступает; сидит, словно к спине аршин привязан, не качнется, не шелохнется, стакан за стаканом подносит, ни капли не выплескивая, и знай проедает Михайлу глазами. Просидел так старшенький до полуночи напротив корнета, пока вся бутыль у них не опустела. Дворня уже спала. Музыка возьми и скажи:

– Отчего бы нам не сходить за новой бутылью?

И встал из-за стола. Старший помещичий сынок попытался было за Михайлой таким же фертом вскочить, но рухнул без памяти. На том их пари завершилось.

Рано утром, натянув свои щегольские сапоги, гость проскользнул мимо спящей дворни в конюшню к верному Амуру. Вывел Музыка под уздцы жеребца к воротам, стремясь ускользнуть от здешнего гостеприимства, и столкнулся там нос к носу со вчерашним своим секундантом, который сказал, усмехаясь:

– Не дело бежать отсюда такому бравому военному, не померившись теперь силой и со мной!

На сей раз стол хозяйский опустел, словно ночной плац. Стояли на нем лишь штоф и два приготовленных к поединку стакана. Между тем младший помещичий сын повел перед гостем речь:

– Вчера баловались вы с моим старшим братцем горилкой, однако для меня она слабовата! Вот почему принес я от здешнего немца-лекаря приготовленного им шнапсу; шнапс этот настоян в особых колбах, отчего имеет такой крепкий градус, что, лишь вдохнув его, тот, кто похилее нас с тобою здоровьем, не только с ног свалится, но и со своей душой распрощается.

Удивился Музыка: что еще может быть крепче вчерашней горилки, – а младший уже раскупорил штоф – и впрямь пошел от того шнапса по всей зале такой дух, что Михайле стало как-то не по себе. Заметив это, спорщик сказал:

– Чтобы ты не думал, что собираюсь я тебя отравить, я перед тобой выпью первым, а затем и ты попробуй.

Сказав, тотчас опрокинул в себя зелье, вытер как ни в чем не бывало губы и, наполнив стакан гусару, произнес:

– Ну, а теперь за мною и ты! Посмотрим, крепок ли ты на самом деле!

Музыка выпил – и тотчас очутился посреди улицы: ни коня, ни мундира, сам босой, в каком-то тряпье – а в голове его стоял такой звон, который никак ему было не стряхнуть. Напрасно он оглядывался: помещичий дом и ворота исчезли, словно их и не существовало на свете. Жались друг к дружке

незнакомые дома и мазанки, и редкий народ, проходящий по своим делам, отшатывался от Музыки. Хотел было корнет расспросить обывателей о том, где находится, да вот только вместо речи получилось одно мычание. В голове его завертелась мысль поскорее бежать из проклятого места. Поддавшись ей, Михайла бросился вон из злополучных Сум и, миновав северную заставу с уснувшим в будке солдатом-инвалидом, принялся пылить по дороге. Крестьяне, которые развалились в телегах, запряженных волами, при виде оборванца оживлялись и терли заспанные глаза, бабы их невольно крестились. Между тем звон еще более принялся корнета донимать, шатало его, словно самого последнего пропойцу. Едва не попался он под копыта фельдъегерского коня; курьер, выругавшись, от души протянул бродягу плеткой. Но даже боль не отрезвила гусара: так и перебирал Музыка ногами, минуя хутора и рощи, а вечером, к ужасу своему, обнаружил, что прибежал обратно в Сумы и стоит посреди той же улицы: всё так же от него сторонятся люди, а он мычит им, словно бык. Тут и ночь подоспела. Где провел ее несчастный гусар, он не помнил. На следующий день Музыке еще хуже стало: такая пелена перед глазами, хоть ее руками разгребай. Ноги понесли сумца к южной заставе; оказался он в буераках, из которых может выбраться разве что тамбовский волк. Целый день продирался Музыка сквозь чащу, которая становилась все более глухой. К вечеру вырвался опоенный гусар к показавшимся огням, и вновь перед ним были Сумы.

Лишь на третье утро, как только запели петухи, догадался корнет обратить свои глаза на стоящую неподалеку церквушку. Искренне взялся он просить о помощи Богородицу. Помолившись, рванул Музыка теперь уже на восток прямиком по полям и к полудню выбрался к странной насыпи – лежали на ней тонкие железные палки, скрепленные между собой болтами, а под ними деревянные брусья. Для гусара такое диво было уже чересчур. Но не успел обессиленный Музыка вновь обратиться к Небесной Покровительнице, как послышались свист и шум. С ужасом разглядел корнет огромную бочку, которая выползла из-за близкого леска и надвигалась по насыпи прямо на него. Валил от нее во все стороны то белый, то черный дым. Приблизившись, бочка так загудела, что схватился Музыка за уши, и последние силы его оставили.

III

Очнулся он в какой-то узкой комнате, на койке, которая изрядно покачивалась; напротив на столике дребезжала аптекарская склянка. Почувствовав, что дурман исчез, Музыка несказанно тому обрадовался, но настолько еще оказался слаб, что, подняв голову, тотчас уронил ее на подушку. Здесь-то и склонилась над ним молодая дама, по виду богатая барыня, а то и княжна, и такие от нее исходили ароматы, что корнет, приготовившийся было вновь потерять сознание,

невольно взбодрился.

Красавица, потрогав лоб молодому человеку, смотрела на него с печалью. Увидев, что гусар пришел в чувство, она поведала: ее слуги подобрали его на насыпи почти бездыханного. Разглядев на нем золотой крест и заподозрив, что, несмотря на свой бедный вид, он человек благородный, слуги принесли гусара в вагон: там больному было влито лекарство, для чего пришлось разжимать Музыке ножом зубы, и после спал он целые сутки. Сказав это, дама серебряной ложечкой вновь напоила спасенного эликсиром из медицинской склянки. Вскоре почувствовал Музыка себя лучше. Привстав, рассказал несчастный спасительнице, кто он такой есть, как оказался в Сумах и что с ним впоследствии случилось. Дама вот что ответила:

– То не помещик с сыновьями были, а черти. Лекарь же, от которого принесли отраву, настоящий немец – все они, немцы, для нас чернокнижники. И это тебе показалось, что минуло всего три дня, а на самом-то деле пробежало уже без малого тридцать лет. Совсем было погубили тебя нечистые, да вот только Богородица, которой ты, Божий раб, догадался помолиться, спасла: вывела на насыпь. Рельсы, столь тебя удивившие, называются *чугункой* или железной дорогой; они недавно по этим местам проложены, паровая машина возит по ним за собой вагоны. Что же меня касается, многого про себя не раскрою, скажу лишь, что я берегиня – из тех, кто с древних времен спасает матушку Россию. Нас сама Божья

Матерь послала охранять страну, которую она взяла под свое покровительство, и с давних пор мы здесь незримо для многих присутствуем. Нас, берегинь, от простых смертных одно отличает – у каждой на левой груди голубая жилка. А чтобы окончательно ты излечился, предложу я тебе снадобье, выпив которое ты не должен уже за всю свою жизнь ни вина, ни водки в себя принять. Запомни: если хоть каплю самого слабого ликера после него попробуешь, не только сам погибнешь, но и для всей святой Руси сделаются великие бедствия. Более ни о чем меня не спрашивай, скажи только, согласен ли, и если согласен, то все устроится самым лучшим образом.

Вспомнив о том, как было ему худо и какая брага бродила в его голове, гусар согласился. Красавица берегиня достала тогда из небольшого саквояжа скляночку, протянув ее со словами:

– Пей до дна, и с этой поры, покуда будешь трезв, ничего ни с тобой, ни с Россией не случится.

Михайла долго не раздумывал. Во всем поверил он спасительнице, отнеся случившееся с ним к Божьей воле. Лишь утверждение о том, что прошло с тех пор целых тридцать лет, никак не мог принять. Дама попросила тогда слуг принести газеты; тотчас подали им «Петербургские ведомости». Убедившись в ее правоте, подумал гусар о матери. Берегиня, поняв, о ком он печалится, сказала:

– Матушке твоей царствие небесное, скажу одно: жила

она, как истинная христианка, молилась за своего сына, и кончина ее была спокойной. О службе же своей не беспокойся, я выдам тебе и одежду, и бумаги, с которыми прибудешь на место – и никто тебя ни о чем не спросит, несмотря на то, что минуло столько времени. Главное, сам молчи. А встретишь государя, передай ему: погибель наша там, где солнце заходит; пусть о том он всегда помнит.

IV

Так-то оно и произошло: когда заявился корнет в Петергоф к командиру лейб-гвардии конногренадер, генерал-майор Максимо́вич документы принял, ни о чем его не расспрашивая, и поздравил с началом новой жизни, а следом казначей с каптенармусом выдали вновь прибывшему положенное довольствие. В полку радушно Музыку встретили малороссы, которые служили здесь в большом количестве: были здешние ротмистры и поручики родом из-под Киева, из-под Изюма, вместе с ними тянули гвардейскую лямку мариупольцы и полтавцы, и даже с самыми из них буянами, благодаря своему незлобивому нраву, Музыка вскоре сошелся. Помня наказ берегини, благоразумно держал он за зубами язык, и служба его вскоре потекла как по маслу; ходил корнет на разводы, исправно нес караулы в петергофских дворцах, на дрессировке в манеже и на выездах был одним из первых; и, несмотря на свой рост, не раз брал призы на скач-

ках, оставляя за собой квартировавших здесь же лейб-гвардии драгун и лейб-улан.

К солдатам, находящимся в его подчинении, оказался бывший гусар весьма требовательным. Но вместе с этим природное добродушие Музыки не позволяло прибегать ему к излишней строгости. Правда, однажды в полковой кузне, рассердившись на скверное качество железа, переломал он сгоряча своими ручищами несколько подков, отчего и получил от своих рядовых и ефрейторов за глаза прозвище Подкова. Однако не только на службе он отличался: в полковой церкви сделался Михайла одним из самых заметных прихожан. Имея голос наподобие иерихонской трубы, часто выручал он природным басом солдатский хор, в праздники сам вызывался нести хоругви, читал на клиросе Святое Евангелие и молился столь искренне, что вызывал этим тайную ревность священника, часто ставившего Музыку в пример своим дьяконам.

Командир эскадрона, признав в сумце природного служаку, всячески последнего поощрял, донося командованию о его усердии. Числившиеся в полку высочайшие особы неоднократно Музыку привечали. Однажды после смотра удостоился малоросс от одного из великих князей серебряных часов с императорским вензелем. Неудивительно, что вскоре получил Музыка чин поручика. И все в бывшем гусаре вроде бы оказалось без изъянов; во всех отношениях являлся Михайла образцовым военным, однако сразу отметили но-

вые товарищи в нем качество, враждебное офицерским обычаям. Музыка не брал в рот ни капли спиртного, хотя исправно посещал пикники, офицерские собрания, танцевал на балах, а также не прочь был присоседиться к игрокам за ломберным столом, за которым ему, как правило, везло и в вист, и в ломбер. Но даже продувшись в игре – а случалось и такое в его соревнованиях с одним уланским капитаном, непревзойденным во всем Петергофе картежником, – не изменял он своему добродушному спокойствию. Как и во времена прежней службы, с деньгами расставался Музыка без сожаления, мог сунуть в долг и забыть об этом. Однажды на празднике вместо воды налили ему очищенной *смирновской*; он было поднес водку к губам, но вовремя принюхался. О случае этом долго помнили: бросив под ноги бокал, повел себя Михайла для собравшихся однополчан в высшей степени неординарно – упав на колени, принялся молиться, призывая Божью Матерь простить своего раба. Потрясение его оказалось столь велико, что перепугались не только офицерские жены. После над Подковой уже не шутили, списав все на особенности его характера.

Дамы хоть и не переставали с ним по своей природной привычке заигрывать, но давно заметили: поручик сторонится женского общества. Чем занимается Музыка, находясь вне службы, не ведали даже самые любопытные; никто не знал, что находится за дверью крохотной его квартирки на Знаменской улице, которую снимал он у одного обывателя.

Вот почему одни склонялись к тайному монашеству бывшего сумца, другие, напротив, разглядев в малороссе чуть ли не чернокнижника, уверяли, что трезвость его не к добру.

V

Долго ли, коротко ли, о Музыке прознал сам государь. Разбирал Александр III возмутительный случай: один капитан до того набрался в «Красном кабачке», что принялся рубить саблей все, что попадалось ему на глаза. По счастью, вовремя выбежавшие люди не были задеты, однако многим стульям, а также многочисленной посуде в буфете пришел конец. Капитан на том не успокоился: выбежав из кабака и согнав с ко́зел повстречавшегося с ним на свою беду извозчика, утопил затем его повозку в канаве, сильно при этом покалечив лошадь, единственный источник существования несчастного бородача. Когда же дебошира вытаскивали и вязали, прилюдно изрыгал он хулу не только на свое непосредственное начальство, но и на многих государственных особ.

Спасая от царского гнева собравшихся в Гатчине полковых командиров, генерал-майор Максимович возьми и оброни:

– Есть у меня, государь, во втором эскадроне непьющий поручик.

Александр сильно тому удивился:

– Что-то ты мне, Максимович, врешь!

Командир коннгренадер поспешил государя уверить: служит-де у него некий Михайла Музыка, малоросс огроменного роста; будучи писаным красавцем, он тем не менее нрава совершенно скромного, а силища у него такова, что подковы не только гнет, но и ломает. Один великий князь, присутствующий при разговоре, подтвердил:

– Я того Музыку, государь, знаю.

Самодержец, сам гнущий пятаки, пообещал:

– Буду в Петергофе, обязательно на вашего феномена посмотрю.

Приехав вскоре в Петергоф, государь тотчас приказал позвать Музыку. За бывшим гусаром и ходить далеко не надо было: полковые казармы располагались недалеко от дворцов. Царь, оглядев молодца, спросил:

– Правду сказывают о тебе, что ни капли в рот не берешь ни в повседневной жизни, ни на праздниках?

– Истинную правду, ваше величество!

Император поинтересовался, в чем причина подобной трезвости. Музыка отвечал: не велит ему пить Владычица Небесная. Александр, поощрив Музыку за такое удивительное для офицера качество перстнем со своей руки, хотел было его отпустить. Михайла, сообразив, что представился случай, поспешил царю молвить:

– Долг мой сказать вашему величеству: погибель наша там, где солнце заходит.

Государь, в то самое время сердившийся на германского

короля и обдумывавший, как его наказать, был удивлен. Он просил Музыку повторить сказанное, а после задумался. И столь сильно поразил Александра ответ, что с тех пор, прибывая в Петергоф, непременно царь звал Музыку к себе; любил он работать, когда тот стоит за его спиной. Трудился император за столом в своем кабинете, читая депеши и подписывая бумаги, а трезвый гусар ничем о себе не напоминал. Но как только царь начинал сердиться на Европу, грозя кулаком в пространство и обещая ей такой мордобой, какой она, подлая, вовек запомнит, тут же он поворачивался к Музыке:

– А ты как, Михайла, думаешь, стоит англичанам показать кузькину мать?

Музыка всякий раз отвечал одно:

– Погибель наша там, где солнце заходит.

Государь хмурился, сопел и махал рукой:

– Черт с ними, с англичанами, этих каналий за все их художества Бог накажет!

Сама императрица Мария Федоровна Музыку привечала: поручик одним только своим присутствием благотворно действовал на ее мужа. Неоднократно преподносила она бывшему сумцу шитье и акварели, на которые была известная мастерица. Царицыны подарки, несмотря на их внешнюю скромность, дорогого стоили; многие в императорском окружении все бы отдали за такие знаки внимания. Михайла же нисколько своим приближением к государю не кичился и тем, кто просил его перед царем за них ходатайствовать,

всякий раз отвечал:

– Я Богородицей у его величества не для того поставлен!

Неудивительно, что вскоре расплодил он недоброжелателей. Шептались по углам, что, будучи чернокнижником, щирый хохол государя околдовал. И ведь многие шептунам верили, но по своей рассеянности Музыка интриг за спиной не замечал. Великие князья не раз спрашивали государя:

– Отчего вы, ваше величество, не заберете коннгренадера к себе в адъютанты?

Царь вот что им говорил:

– Так как сам я люблю пропустить рюмочку-другую, он мне, человек безгрешный, будет тогда постоянным укором.

И правда, приезжая в Петергоф, самодержец взял себе за правило при Музыке никаких водок и вин не пробовать. Что же касается внешней политики: как только решался важный вопрос, Александр всех советчиков от себя отсылал – один Музыка непременно при этом стоял у него на часах.

Прошло несколько лет. Во время отсутствия царя Михайла тянул свою лямку, обучая новобранцев верховой езде, играл в карты, давал в долг, являлся примерным прихожанином и после службы запирался у себя в квартирке на Знаменской, которую не менял, несмотря на то, что по царскому указу гвардейским полкам ощутимо было прибавлено жалованье. Впрочем, будучи холост и не подавая местным дамам никаких надежд, в деньгах Музыка и ранее не нуждался, а природная неприхотливость и вовсе избавляла государева

любимца от излишних трат на лошадей, перчатки, эполеты и военное платье, выгодно отличая его от многих сослуживцев, которые душу готовы были заложить не только банкирам, но и самому черту ради анфилады комнат и эффектного выезда.

VI

Великие князья и их адъютанты все более удивлялись привычке государя советоваться с человеком, который, не имея ни княжеского, ни даже графского происхождения, к тому же не выказывал никаких признаков учености, разве что был всегда трезв, пригож собой и обладал прямо-таки неимоверной силой. В конце концов один особо любопытный чин из высочайшей свиты частным образом заинтересовался, откуда появился столь странный субъект. Предоставленные ему командиром конногренадеров Максимовичем документы указали о переводе Музыки из сумских гусар. На запрос чина в Сумский полк пришел ответ: в списках командированных корнет Музыка не значится. Чин принялся искать в Конно-гренадерском полку прежних сумцев и был весьма удивлен тем, что никто из них ранее с Музыкой не встречался и ничего о нем не слышал. Тем не менее появление его в Петергофе почему-то все они восприняли как нечто само собой разумеющееся, и ответы были примерно таковы: «Да-с, не знали, но, с другой стороны, малый он

славный и наверняка был ранее в гусарах».

Озадаченный чин хотел было привлечь к расследованию людей из Департамента полиции, но здесь, как назло, навалились на него болезни: чину стало не до любопытства. В конце концов оптинский старец, которому открылся больной, приказал своему изможденному чаду напрочь забыть о загадочном деле. Покорившись духовному отцу, чин решил: если Богу угодно, чтобы все, связанное с Музыкой, плавало в некоем тумане, значит, не ему, грешному, совать свой нос в дела Божии. Тем более ничего дурного ни с государем, ни с державой не происходило: здешние якобинцы были загнаны по каторгам и глухим углам; в Европе никто и пикнуть не мог; самодержец преспокойно ловил в гатчинском пруду рыбу, а господам гвардейцам доставляли неприятности разве что летние лагеря. Стоит ли добавлять: во время маневров эскадрон гнедых, в котором служил Михайла, не раз отмечался начальством как наилучший не только в полку, но и во всем корпусе.

VII

И все бы и было хорошо, все бы было славно, предостерегал бы коннгренадер государя всякий раз, как начинало тянуть порохом из-за границы, а в царское отсутствие джигитовал бы себе в манеже и ходил бы в церковь, однако темные силы не дремали. Стоял Музыка как-то в почетном карауле

возле самого Монплезира. Несмотря на раннюю осень, денек навалился таким жарким, что хоть мундир выжимай. Готовился поручик уже смениться и с надеждой искал глазами разводящего – вдруг на пустой аллее возникла дама, которая несла поднос с графином и стаканчиком. Узнал в ней часовой императрицу. Подойдя, та ласково на него взглянула и, несмотря на то что был Музыка на службе, молвила:

– Вижу, ты, Михайла, утомился. Нет ничего предосудительного в том, что угощу тебя морсом, который сама и приготовила.

Музыка Марию Федоровну не мог ослушаться, но как только опрокинул в себя стаканчик, понял, что не морс в нем, а самая настоящая горькая. Взвыл он, схватившись за горло, упал на колени, раздирая ворот мундира, да было поздно! Затуманились от слез его глаза; когда же Михайла протер их, царица куда-то исчезла, перед ним стояли разводящий с новым караульным. Вскричал несчастный, волосы которого встали дыбом, что отравлен; на недоуменный же вопрос «кем?» твердил: «самой государыней». Разводящий воскликнул:

– Окстись! Государыня императрица вместе с государем императором и с их детками еще на той неделе укатили в Крым. Не иначе, перегрелся ты на солнце!

Музыка, хоть и сделалось ему дурно, бросился в полковую церковь, но вбежал в нее уже в таком состоянии, что священник, поначалу не узнав прихожанина, взялся его укорять:

дескать, негоже христианину, да еще и офицеру, посещать храм в столь непотребном виде. Музыка, не слушая проповеди, более того, оттолкнув вознегодовавшего попа, упал перед иконой Знамения, умоляя Богородицу о прощении. Впоследствии дьякон, помогавший Музыку скрутить и выпроводить из церкви (не обошлось при этом без десятка солдат), уверял: в момент, когда принялся тот от отчаяния биться об пол головой, протянулась по щеке Владычицы черная слеза, которая, правда, тут же исчезла. Однако никто дьякону не поверил.

VIII

С тех пор дня не проходило, чтобы не был Музыка пьян. Появлялся он еще какое-то время в офицерском собрании, но о мазурках речи уже не шло: стоило только оказаться поручику возле буфета, принимался Музыка разговаривать с водкой и так крепко разговаривал, что было не оттащить его даже к бостону. Дошло до того, что буфетчикам выдали постановление: ничего ему, кроме лимонада, не отпускать. Подобная строгость мало помогала. На балах бывший сумец эпатировал публику своей привычкой валиться, будучи уже глубоко *под мухой*, танцующим парам в ноги и твердить, заливаясь слезами, что из-за уловки дьявола погубил он и себя, и государя, и страну. Несмотря на то, что не бил Музыка бокалы и не задирался к драгунам и уланам, как некоторые

его однополчане, вскоре стали Михайлу в отличие от буйных сослуживцев, которые и бокалы били, и задирались, и даже стрелялись на дуэлях, дальше прихожей собрания не пускать. Впрочем, он и на то был согласен. Засыпая ненадолго в креслах, а затем вскакивая от приснившихся кошмаров, отлавливал поручик возле зеркал какого-нибудь нерасторопного чиновника или офицера и выкладывал ему свои видения будущего, которые нервировали почище всякого фанфаронства с дуэлями.

Рано или поздно должен был встать вопрос медицины. Военные доктора сошлись во мнении: если дело пойдет так и далее, то поручика, несомненно, следует передать на поруки психиатрии.

По каким-то соображениям случившееся скрывали от государя до того момента, пока отдохнувший в Крыму император не вызвал, по своему обыкновению, Михайлу к себе. Командир полка принялся лепетать о невозможности исполнения просьбы, лейб-медик Боткин его поддержал, царь настаивал, но как только доставили Музыку, расхристанного, со спутанными волосами, от которого несло во все стороны водкой, перестал сердиться на свиту.

Михайлу тотчас вывели под руки: здесь и конец пришел его фаворитству. Злопыхатели, конечно, такому концу обрадовались, однако по русской привычке ненадолго: вскоре те, кто завидовал чернокнижнику, принялись его жалеть и даже хлопотать о нем. По настоянию Максимовича на какое-то

время бывшего гусара положили в клинику на Петергофской дороге; но и покой палаты, и местный парк мало ему помогли – сбежав однажды вечером от санитаров, явился он наутро к больничному корпусу в состоянии, до которого не смог бы докатиться самый захудалый сапожник. После этого привезли невменяемого обратно в полк и сдали на руки командиру. Тут же были Михайле «по пошатнувшемуся здоровью» выписаны расчет, пенсия и подорожные с надеждой, что уберется больной с глаз долой к себе в Житомир, однако Музыка никуда не убрался и торчал в Петергофе, продолжая тянуть горькую. Часть его пенсии уходила на оплату квартирки, другая перекочевывала в проворные руки трактирных половых.

IX

Между тем самодержец, прежде отличавшийся поистине бычьей крепостью своего здоровья, неожиданно для окружения стал чахнуть. В столице шептались, что причиной явилось недавнее крушение поезда, в котором он оказался с семьей. Отыскались и такие, кто о Музыке вспомнил. Вновь расползлись слухи о колдовстве малоросса. В ресторанном зале Балтийского вокзала один господин в ожидании поезда взялся развлекать публику рассказами об объявившемся в Петергофе юродивом, напророчившим государю скорую смерть. Господина отвели в околоток и оштрафовали за ересь, однако шепотков подобные репрессии не отменили.

Музыка же, расхаживая по кабакам, не уставал горевать о том, что из-за него теперь пропадут и государь, и страна.

Действительно, Александр слабел на глазах. Боткин сбился с ног, выясняя причину; консилиум следовал за консилиумом, но лечение не помогало: вскоре дело стало совсем худо. И чем больше сковывал недуг государя, тем ниже опускался гусар. В собрание Музыку уже не пускали; когда он молился в церкви, вокруг него сразу делалось пусто; священники смотрели на пропойцу с укоризной; отросшие грива и бакенбарды Михайлы пугали детей. Полковое начальство, едва завидя его на улице, предусмотрительно переходило на другую сторону. Правда, среди сослуживцев находились те, кто из сострадания останавливался отставника послушать. Впрочем, долго никто не выдерживал. Вскоре забылась прежняя похвальная трезвость Музыки, забылись все его добродетели. Лишь солдаты эскадрона гнедых, памятуя о незлобивом нраве бывшего поручика, при встречах по-прежнему звали Музыку «ваше благородие» и отдавали Подкове честь.

Государь тем временем помер; черный поезд с гробом возвратился из Крыма в столицу. После скорбного события вновь вспыхнуло к Михайле утихнувшее было внимание; какое-то время в салонах поговорили о колдунах, но вскоре сменили тему: ожидаемые перемены и подготовка к московским торжествам взяли над мракобесием верх. А Музыка повел себя так, что погнали его даже из кабаков. Каким-то странным образом не выселяли спившегося из квартирки:

возможно, ее хозяин не гнушался залезть в карман постояльца сразу после того, как расписывался тот в очередной присылаемой пенсии.

Между тем, словно в пику пророчествам отставника, обещано было Николаем II всеобщее процветание. Патриоты кричали «ура!», стоило только показаться экипажу наследника, а с Европой сделалось такое замирение, которого никогда прежде не случалось. В петергофских садах гремели германские, датские и британские гимны; газеты уверяли читателей в вечном и прочном мире: один лишь Михайла твердил о грядущих несчастьях. По-прежнему молил он Богородицу о прощении, да вот ответ ее, судя по всему, был ясен. От душевных страданий глотал гусар всякую дрянь и водился с отродьем, которое взашей гнали не только от дач, но и от крестьянских дворов. Как-то на Пасху заползти он не смог даже на церковные ступени. Здесь и солдаты удивились: правда, некоторые из них гусара по-прежнему жалели, но большинство взялось его укорять, говоря, что нельзя даже таким славным благородиям, как Подкова, в Христов праздник надираться, словно свиньям, до положения риз.

X

Когда в Кремле возвели на престол очередного царя, Музыка прекратил свои проповеди. Впрочем, и слов, исходящих от него, стало уже никому не разобрать. В конце мая то-

го же года подобрали Михайлу в канаве за городом и отвезли в простонародную больницу. Офицеры местных полков даже не заключали пари о его будущем: к их удивлению и к явному неудовольствию полицейских, он выжил и еще какое-то время просуществовал. Перед самой смертью вновь пробудилось в нем желание пророчествовать. Появился Музыка в день рождения третьей царской дочери во дворе конно-гренадерского штаба. Только-только отгремело троекратное «ура!» собранных по такому случаю офицеров, и веселой гурьбой спускались они со штабного крыльца. Встретил их юродивый на коленях, и настолько ясной сделалась его речь, так прояснились его глаза, что все остановились, словно пораженные. Он же в тот светлый день молвил следующее:

– Простите меня, господа, что невольно погубил я и себя, и государя, и вас. Признаюсь, недолго всем нам осталось: прежде встанет из-за моря дракон, затем вывернут из мостовых булыжники, но и то еще для страны не горе! Явится истинное горе оттуда, где солнце заходит, и до той поры, пока не простит меня Приснодева, несчастья будут лишь прибавляться.

Показав затем на полковую церковь Знамения, которую он так любил, бывший гусар предрек:

– Повесят на ней амбарный замок.

Сказав это, убрался, оставив однополчан в некотором недоумении. Вскоре нашли его тело в Заячьем Ремизе.

XI

Время шло: газеты и об умершем-то государе перестали писать. Года через три в буфете петергофского офицерского собрания расположилась после бала компания офицеров и кокетливых дачниц, которых не ожидали дома мужья. Речь коснулась модного в среде бомонда «вызывания духов». На рассказ восторженной чаровницы о спиритическом сеансе откликнулся ротмистр Конно-гренадерского полка Неверской, задумчиво крутящий папироску.

– Что касается медиумов с их фокусами, – сказал щеголь, терпеливо выслушав речь, – все это, господа, детские сказки по сравнению с тем, что недавно здесь сотворилось.

Дамы тут же попались и стали расспрашивать.

– Разве не знаете? – удивился ротмистр. – Шум был довольно знатный!

Он закурил и, прежде чем начать, обратился к товарищам:

– Вы, верно, помните – жил в Петергофе некий спившийся поручик в отставке.

Вопрос повис в воздухе: в полках лейб-гвардии недавно совершилась значительная ротация, и среди молодежи возникло замешательство.

– Музы́ка! – выручил ротмистра местный телеграфист.

– Точно-с! Михайла Михайлович Музыка, из житомирских малороссов! И прежде чем перейти к случаю, надо бы

мне о нем кое-что поведать, если вы, конечно, заинтересуетесь.

Дамы, разумеется, заинтересовались. Ротмистр тогда попросил буфетчика принести крюшона и рассказал собравшимся историю несчастного гусара. Дойдя до того момента, когда наткнулись на Музыку, уже бездыханного, в Заячьем Ремизе, рассказчик заметил: корнет из конногренадер Островский оказался свидетелем осмотра квартирки почившего.

– Он-то думал, за дверью много чего интересного, однако ни перстня, подаренного государем, ни акварелей императрицы так и не нашли. Судя по всему, все было за бесценок пропито; вошедших встречали солдатская койка и шкаф, в котором лежал старый гусарский мундир. В нем поручика и похоронили на Свято-Троицком кладбище. Провожали в последний путь Музыку его однополчане: все тот же Островский и штабс-капитан Востриков, убывший вскоре в кавалергардский полк.

– И от кого вы узнали столь странную легенду? – спросила чаровница.

– От Музыки и узнал, – невозмутимо отвечал ротмистр. – Я имел честь, когда поручик не совсем еще спился, угощать его в одном заведении; там он и поведал мне о своей тайне.

Недоверчивые лица и кривые усмешки были ему ответом.

– Погодите смеяться, господа, сейчас начинается самое главное. Конечно, можно счесть откровение Михайлы Ми-

хайловича за полную чушь, но не прошло и двух месяцев после того, как Музыку закопали, и с некой местной девицей приключилась вот какая катавасия…

– Я знаю ту девицу, – перебив военного, подтвердил телеграфист. – Закончила она после той истории плохо.

– Как? – посыпались вопросы.

– Попала в дом умалишенных!

– Что за случай?

Ротмистр тотчас утолил всеобщее любопытство, рассказав, что девица имела обыкновение летними вечерами в одиночестве прогуливаться по аллеям и оказалась однажды возле ограды Свято-Троицкого погоста. Внезапно впереди показалась фигура в плаще. Девица подошла ближе, решив, что перед нею один из отдыхающих дачников. Фигура распахнула плащ и…

– Представьте, господа, под ним оказался перепачканный землей, весь в дырах, гусарский мундир… Все бы ничего, даже несмотря на ветхость этого мундира, – продолжал ротмистр, – но после того, как фигура приблизила к девице лицо, она и двинуться уже никуда не смогла – то лицо было обезображено тлением. Когда же мертвец взял ее за руку, жертва и вовсе лишилась чувств… Нашли барышню только под утро, и здесь имеется, я бы сказал, пикантная подробность – не знаю, сообщать ее вам или нет.

Дамы потребовали сообщить, и ротмистр уступил:

– Обнаружили ее до пояса раздетой – при этом никакого

насилия над ней не было совершено.

– Это сказка, – сказал кто-то. – Подобных страшилок я наслушался в детстве.

– И тем не менее, господа, потерпевшая попала в сумасшедший дом.

– Скорее всего, барышня и ранее была не в себе, – заметил один из улан.

– Я вот о чем думаю, – продолжал ротмистр, не замечая скепсиса, – есть вещи, неподвластные нашему рацио, и возможно… повторяю, возможно, случай как раз лежит в той плоскости…

– Хорошо, – раздался еще один голос, – а зачем до пояса раздевать?

Неверской, пуская папиросный дым, ответил:

– Насколько я понял из исповеди Музыки, дама в поезде, назвавшая себя берегиней, говорила о жилке на левой груди, присущей лишь ее сродственницам. Не искал ли выбравшийся из могилы поручик если не свою спасительницу, то подобную ей, чтобы вернуть себе жизнь, вымолить прощение и, следовательно, изменить ход событий?

Слушательницы наконец очнулись от гипноза:

– Ну, ротмистр, вы совсем зафантазировались!

– А мы было вам поверили!

– Вы играете на нашей природной наивности!

Ротмистр развел руками, разговор на том и закончился.

XII

Здесь о Музыке окончательно бы и позабыли, однако недели через две в полицейское управление Петергофа вбежал озабоченный господин. После стакана воды речь его несколько прояснилась; стали вырисовываться кое-какие подробности. По словам господина, жена его, дама средних лет, возвратившись вчера в одиннадцатом часу вечера на поезде из Петербурга, наняла извозчика до приморских дач, где проживает летом семейство. За Свято-Троицким кладбищем она сошла, решив пешком прогуляться к дому. Муж, остававшийся на даче с тремя детьми, заранее осведомленный телеграммой о приезде, ожидал жену до часа ночи. Затем, уложив чад, отправился к вокзалу и нашел супругу недалеко от участка, живой, но совершенно невменяемой. Стресс ее был настолько силен, что, приведенная в спальню и уложенная на кровать, она боялась каждого шороха и ежеминутно требовала запереть все двери, хотя они сразу же были заперты.

Оставив благоверную на попечение появившейся утром кухарки, господин прибежал за помощью. Попросив еще воды, он добавил: единственное, что ему удалось из супруги выжать, – упоминание о каком-то военном. Петергофскому полицмейстеру Аркадию Павловичу Ставицкому случай показался рутинным: недавно в Марьино поймали двух пья-

ных драгун, пристававших к крестьянским девушкам. Выслушав дело, Аркадий Павлович распорядился отправить с господином на дачу станового пристава и урядника. Прибыв на место, полицейские кое в чем разобрались: речь шла о странном субъекте, который, появившись перед женщиной, дотронулся до нее ледяными пальцами и напугал до смерти. На вопрос о приметах мать троих детей подтвердила: вместо лица ей была явлена безжизненная маска; «от страшного вида оной» она упала в обморок и после ничего уже не помнила. Отозвав мужа в сторону, пристав поинтересовался, в каком состоянии находилась одежда потерпевшей. Супруг смущенно отвечал: жена его была раздета до пояса.

Предупредив съемщика дачи, что потребуется освидетельствование врача, пристав доложил обо всем начальству. Полицмейстер перекрестился, шепотом попросив Бога отвести Петергофское управление от очередного насильника. Увы! Местную гимназистку, которую черт погнал в самый дальний угол Английского парка топиться от неразделенной любви, пришлось также отпаивать валерианой. Правда, девица все-таки кое-что поведала. В тридцати метрах от заветного пруда ей повстречался *некто* в порванном гусарском мундире, скрывающий лицо рукавом ментика. Когда он открылся, «бедная Лиза» вмиг позабыла о цели своего визита: лицо этого *некто* она описала как физиономию самого настоящего покойника. Кроме того, от него ужасно пахло. Затем гусар схватил гимназистку за руку; холод прикосновений

«заморозил ее до основания». Очнулась она в кустах сирени, в расстегнутом до пояса платье, и лишь ночью прокралась домой, откуда и была доставлена в околоток насмерть перепуганными родителями. После осмотра судебный эскулап подтвердил: как и в первом, так и во втором случае насилия не произошло – однако сердце местного полицмейстера заныло от нехорошего предчувствия.

XIII

Княгиня Волховская, самой неприятной особенностью которой являлась ее близость к императорскому двору, была допрошена на месте происшествия в своем летнем доме в Мартышкино теперь уже по всем законам полицейского сыска. Несмотря на пережитое потрясение и топтание в комнатах чуть ли ни всего личного состава петергофской полиции, кандидатка в статс-дамы отвечала весьма обстоятельно, тактично не замечая нервозности, с которой прыгал по бумаге карандаш полицмейстера. Исписанных листов все прибывало. Пока приставы, то и дело прибегая к помощи лупы, осматривали окна и двери, неровный почерк Аркадия Павловича зафиксировал следующее: в двенадцатом часу вечера, отпустив горничную и подыскав в домашней библиотеке подходящий роман, княгиня зашла в свою спальню. Прочитав всего несколько страниц, она погасила настольную лампу и какое-то время сидела в кресле, привыкая к полутьме. Ей

показалось странным внезапно распространившееся в опочивальне зловоние. Обернувшись, хозяйка дома разглядела возле себя человека. Неожиданность, с которой тот появился, а также страх не позволили ей вновь потянуться к лампе, однако июньская ночь помогла рассмотреть на пришельце доломан и манжетку. Лицо проникшего оказалось ужасным: собственно, это было уже не лицо, кожа с него наполовину сползла, местами желтел оголенный череп.

– Что далее?

– Далее он прикоснулся.

О ледяных пальцах можно было и не спрашивать; как и не подлежало сомнению, что, очнувшись, княгиня обнаружила себя «несколько растрепанной».

XIV

Для полицмейстера дело гусара все более смахивало на чью-то скверную шутку. Однако самое гнусное крылось даже не в том, что неведомый подлец взялся третировать дам, а в слухах, которые в подобных случаях вприпрыжку бегут впереди паровоза. Опыт не обманул: на следующий день возле управления уже нарезал круги репортер «Кронштадтского вестника». Разорвавшаяся следом газетная бомба накрыла все южное побережье: о мертвеце принялись рассуждать даже в табачных лавках – что уж говорить о парикмахерских салонах и о расплодившихся по Стрельне, Петергофу

и Ораниенбауму салонах модисток. Заговорили о молочнице, встретившей призрака возле Мордвиновки (гусар якобы попытался вырвать бидончик, который несла она господам). Твердили о появлении духа в Большом петергофском дворце; шептались, что часовой из лейб-драгун видел его в Чесменском зале, сидящем на не менее призрачной лошади. Дачи не на шутку встревожились. Мужья запрещали своим женам выходить на прогулки. Любительский театрик в Заячьем Ремизе, каждый сезон разыгрывающий по воскресеньям на местной эстраде водевили и скетчи, одним таким вечерком смог порадовать «Теткой Чарлея» лишь пьяного брандмейстера из пожарной команды князя Львова.

На Нижней дороге дела обстояли не лучше. Настоятель церквушки Святого Лазаря жаловался благочинному об оскудении сборов, ибо Свято-Троицкое кладбище, в середине которого располагался храм, принялись обходить стороной даже днем. Торговавшие в парках лавочники терпели убытки; в бочках прокисал непроданный квас. Напечатанное по приказу полиции опровержение в листках и газетах, включая все тот же «Кронштадтский вестник», еще более вдохновило паникеров; живой мертвец оказался лакомым кусочком для всякого рода выдумщиков. Нужно было что-то предпринимать. По распоряжению полицмейстера в местах, доступных для гуляющей публики, выставили посты; урядникам и сторожам приказали, особо не церемонясь, задерживать всякого, кто вызывает у них хоть какое-то подозре-

ние. Результатом повышенного внимания явилось несколько инцидентов с озорниками, вздумавшими шутить над озабоченными полицейскими (один такой гаер чуть было не лишился жизни, попав под выстрелы). Недоразумения с «подозрительными личностями» улаживались в участках. Камергеру двора Воронцову, ливрею которого приняли в темноте за гусарский мундир, Ставицкий лично принес извинения.

XV

Какое-то время Аркадий Павлович сидел как на иголках, ожидая вызова если не к управляющему дворцовыми делами, то в столичный Департамент полиции. Однако и во дворце, и в департаменте, несмотря на инцидент с княгиней, посчитали дело слишком мелким, чтобы оно могло влиять на отдых государя, хотя из ведомства графа Фредерикса и прислали требование разобраться со столь вопиющим хулиганством. Аркадий Павлович так же письменно поспешил заверить графа в том, что предпринимает все усилия по поимке мерзавца. Судя по дальнейшему молчанию, ответом двор удовлетворился. Прошло три недели: преступник себя никак не проявлял. После того как шепотки затихли даже на рынке, полицмейстер возблагодарил Небеса. Еще через неделю он принялся бормотать под нос «гром победы раздавайся», всерьез задумавшись о поездке с семьей в Баден-Баден. Установившееся спокойствие благоволило к давно ожидаемому

отдыху, но, когда прислугой уже были собраны чемоданы и оплачен экипаж до Варшавского вокзала, оглушившим всю округу громом прогремел проклятый «Трувель».

XVI

И зимою-то от ресторана «дурно пахло». Что же касается летнего сезона, городовые Петергофского управления, внушающие своими кулаками почтение самым разнузданным дебоширам, мрачнели, когда возле злачного места предстояло им дежурство: а все из-за того, что офицерам разбросанных по Петергофу полков, которым во время лагерей категорически запрещалось посещение столицы, ничего не оставалось, как приносить местному *Le Train Bleu* вполне ожидаемую дань. Каждый вечер медные голоса труб, играя зарю в полях за городом, возвещали улан, драгун и коннгренадер о долгожданном отдыхе, и «Трувель» заполнялся кавалеристами; начинал звенеть буфет; вино доставляли из ледника целыми ящиками. В то время как корнеты и поручики угощали на террасе дешевых кокоток, капитанов и подполковников с их более дорогими дамами скрывали от любопытствующих кабинетные занавески. После десяти вечера то здесь, то там между столами принимались вспыхивать искры, а после двенадцати дебоши делались столь обычным делом, что полицейские не успевали заполнять протоколы.

По составленным в ту ночь показаниям следовало: ка-

питан, командир уланского эскадрона барон Крейг, недавно связавший себя узами Гименея с дочерью банкира Гирса и отдыхающий с избранницей в одном из кабинетов, отпустил ее в дамскую комнату. Раздавшиеся затем из уборной крики перекрыли даже хлопки и хохот, которыми компания, возглавляемая драгунским поручиком Радзивиловичем, приветствовала очередное «Мадам Клико». Радзивилович первым и бросился к двери; с нескольких ударов удалось ее выломать. Следом за ним в проеме показалось трое улан: ворвавшиеся обнаружили в комнате капитаншу, которая прикрывала руками обнаженную грудь. Взглядом баронесса показала на распахнутое окно. Несмотря на то, что полиция топталась рядом с «Трувелем», задержать дерзкого татя не удалось. Два урядника, обежав здание, разглядели вдали проспекта удаляющуюся пролетку. Извозчик еще одной колымаги, поджидающий возле ресторана клиентов, сказал, что к его товарищу только что запрыгнул господин в плаще. Перепуганный выхваченными из кобур револьверами, он послушно огрел вожжами уснувшую лошадку, и началась погоня. Возле Свято-Троицкого кладбища преследователи обнаружили первый экипаж: лицо его хозяина оказалось под цвет выкрашенного серой краской кладбищенского забора. Схваченный за шиворот бедняга только и смог, что мычать, тыча пальцем в сторону ограды. С некоторым усилием урядники перемахнули ее, но, как следовало ожидать, их рвение оказалось бессмысленным.

XVII

После путающихся, словно ходы лабиринта, рассказов свидетелей Аркадий Павлович задумался над шарадой. Баронесса уже «приводила в порядок губы», когда зеркало отобразило за ней человека с жутким лицом, зажавшего рот потерпевшей ледяными пальцами. Инстинктивно закричав, далее ничего она уже не чувствовала и очнулась через какое-то время на полу. Проведя рукой по шее, а затем схватившись за мочки ушей, капитанша обнаружила исчезновение колье и серег. Радзивилович свидетельствовал: кофта на даме была до пояса расстегнута, окно в уборной распахнуто. Уланы показания подтвердили; правда, один из них клялся, что оконные занавески сорванными валялись на полу; другой утверждал, что особого беспорядка не обнаружил; третий упомянул о стуле рядом с подоконником, который не заметили остальные. Установить истину теперь не представлялось возможным; когда становой пристав прибыл осматривать комнату, она уже была прибрана каким-то дураком из ресторанной прислуги.

Извозчика, рябого малого двадцати лет, все три часа допроса колотил озноб. Выходило: вскочивший толкнул его в спину. На вопрос полицмейстера: «Почему же ты, подлец, ни разу не оглянулся посмотреть, кого везешь?» – рябой отвечал: «Так страшно сделалось, вашбродь, что и оглянуться-то

не смог, только лошадь и гнал…» У кладбища последовал новый толчок.

– Вот только тогда обернулся.

– И что?

– Страх, вашбродь, такая морда, что страх, в домовине покойники краше: белая, словно краской намалевана.

– Ничего не сказал тебе?

– Ничего.

– И куда побежал?

– К Свято-Троицкому. Аккурат к ограде.

По показаниям урядников, искренний ужас извозчика, когда они нагнали пролетку, был налицо, и подозреваемый в соучастии в конце концов оказался на улице.

Аркадий Павлович не сомневался в одном: ожидая жертву, преступник схоронился в чуланчике дамской комнаты, тесном, словно гроб, но достаточным для тряпок и ведер. И баронесса, и рябой поведали о «белом лице» нападавшего. На сей раз мундира никто из них не заметил, что, впрочем, не помешало обывателям уже на следующий день приписать нападение именно гусару. Здесь-то и пошли толки, что призрак не кто иной, как почивший несколько лет назад местный юродивый Михайла Музыка. Костер моментально разгорелся. Передаваемая из уст в уста легенда о гусаре загуляла не только по Петергофу: вновь возбудились Ораниенбаум и Стрельна, а затем даже и Сестрорецк. Откуда-то всплывали сведения о встрече Музыки то ли в Изюме, то ли в Мари-

уполе с целым легионом нечистых и заключенной им сделке с самим Сатаной, который явился гусару в образе паровоза. Твердили о том, что, вынужденный оставаться трезвым, питался Музыка вместо водки кровью невинных дев; вспомнили дьявольскую силу Подковы, жалели покойного государя, которого вурдалак-малоросс опоил варевом из трав, собранных им под Житомиром. На кронштадтской Якорной площади некий Ульян Печенкин уверял публику в том, что урядники, выстрелив в убегающего несколько раз из револьверов, в момент вспышек ясно видели, как из-за крестов и памятников скалится на них череп, на котором залихватски сидит гусарский кивер.

XVIII

Понимая, что после «Трувеля» поток ахинеи неостановим, полицмейстер приказал поднять дело Музыки, зажатое в полицейском архиве другими схожими папками. Из довольно небрежно составленного протокола Аркадий Павлович выяснил: труп отставного поручика обнаружил в леске возле Заячьего Ремиза крестьянин села Санино Макар Овчинников, затем его осмотрел становой пристав Марычев. Покойного отправили в Николаевскую больницу. Квартирку Михайлы Михайловича открыли в присутствии пристава Драгунова, корнета Конно-гренадерского полка Островского и штабс-капитана того же полка Вострикова. Они и засви-

детельствовали крайнюю бедность обстановки. Полицмейстера заинтересовала опись имущества, в частности, наличие в шкафу гусарского мундира, в который покойный был впоследствии обряжен.

Заинтересовался он и местом погребения. Кладбищенский сторож показал прибывшей делегации план участка в углу Свято-Троицкого и охотно повел туда полицейских, однако захоронение самым удивительным образом затерялось. Сторож скреб в затылке: согласно плану могила должна была присутствовать, но не отыскалось даже самого маленького бугорка. В конце концов проводник кивнул в сторону нескольких безродных крестов. Не сдержавшись, один из приставов схватил бедолагу за шиворот, и тот признался: могильщиков нанимают из бродяг; где теперь те, кто закапывал отставного поручика, сам Бог ведает. Полицмейстер задумался. Эксгумация полностью исключалась: пытаться найти тело означало пойти на поводу самых дурацких домыслов. Навестив кладбищенского старосту, Аркадий Павлович разнес старика за небрежность, строго-настрого наказал доносить о появлении подозрительных личностей и отбыл в управление, где и распорядился создать команду для «экстренных действий».

XIX

К поставленному возле погоста караулу прибежали чуть

ли не на следующий вечер – возле храма заметили подозрительный огонек. Два десятка полицейских, в то время как несколько их товарищей было выставлено по периметру ограды, окружили церквушку. Осмотр не выявил кражи, но огонь неожиданно разгорелся в глубине кладбищенской рощи. Завороженные внезапным его появлением, полицейские перекрестились. Затем, кружась среди крестов и деревьев, словно зазывая за собою, огонь начал перемещаться к берегу. Преследователи развернулись цепью. Немного подрожав в камышовых зарослях, огонек рассыпался на искры, и тотчас раздался стон, отнесенный ветром к ограде, который услышали и караульные. После сорвавшейся с многих уст Иисусовой молитвы прочесывание замерло, однако здесь на место сыска заявился сам Аркадий Павлович, прихвативший с собой охотников из драгун, среди которых оказался и уже упомянутый Радзивилович. Впрочем, охота ничего не дала. Перемазанная глиной полиция, в отличие от господ офицеров, предлагающих продолжить травлю в близлежащих кустах, являла собой не просто усталость, а какую-то странную апатию, сразу подмеченную начальством.

Желая подбодрить хоть одного подчиненного, полицмейстер обратился к уряднику, задумчиво разглядывавшему надгробие с мраморной урной, возле которого сгрудились ищейки:

– О чем, Трофимыч, задумался?

Тот был донельзя откровенен:

– А может, вор, ваше благородие, и правда…

– Что «правда», Трофимыч?

– Ну, упырь…

И с удивлением полицмейстер обнаружил в глазах своего костолома не свойственное ему ранее беспокойство.

XX

Подробности рейда, во время которого гусар освободился от накинутых на него сетей и растворился в воздухе, распространились в обществе с невиданной скоростью. Просвещенная часть дачной публики еще хорохорилась, атеисты-профессора похохатывали, однако местная епархия, донимаемая перепуганной паствой, требовала от властей немедленного пресечения сплетен. Из расположившейся посреди залива крепости гневной проповедью, обличающей паникеров, откликнулся на легенду о малороссе сам Иоанн Кронштадтский. Впрочем, помощь известного пастора помогла полиции мало: после событий на кладбище сумятица началась и в рядах церковников. Так, священник храма на Красной Горке, убежденный в явлении Антихриста, был в своих проповедях настолько красноречив, что его прихожане от испуга заперлись в избах, категорически отказываясь выходить даже для кормления голодной скотины. Настоятель же церквушки захолустного Сойкино связал творимые мертвецом безобразия с отказом епископата выделить ему двести рублей

«на содержание семейства, состоящего из матушки и девяти отпрысков мал мала меньше». В конце письменной жалобы в епархию сошедший с ума поп утверждал: он-де имел с заявившимся на церковный двор гусаром длительную беседу, и между ними было уговорено – после положительного решения денежного вопроса тот немедленно испарится.

Разузнав о сойкинском письмеце, полицмейстер посчитал, что это уже слишком. Однако визит Ставицкого в Конно-гренадерский полк окончательно все запутал. Новый командир конногренадер, великий князь Дмитрий Константинович, клятвенно пообещав, что беседа останется в тайне, вызвал начальника канцелярии. Штабист, листая вытащенные из шкафов документы, от удивления даже сорвал пенсне с носа: из журналов оказались выдраны все связанные с Музыкой страницы. Вновь запершись с командиром полка, полицмейстер попросил великого князя «не привлекая ничьего внимания» предоставить ему свидетелей службы Музыки, но представитель императорской свиты ничем Аркадия Павловича утешить не смог: за десять лет, пробежавших после отставки поручика, однополчане бывшего сумца либо перевелись в другие части, либо вышли в отставку и разъехались по имениям. Генерал-майор Максимович отбыл на лечение за границу, корнет Островский куда-то исчез, штабс-капитан Востриков лишился ума, а командир эскадрона, в котором Подкова служил, застрелился «по семейным обстоятельствам». Лоб начальника петергофской полиции превратился

в гармошку.

– Как быть, Дмитрий Константинович? – только и бормотал несчастный.

На что предводитель коннгренадер, чуть ли не насильно всунув в руку гостя рюмку, констатировал:

– Увы, история выходит за пределы вашей компетенции.

Проследив за тем, чтобы дражайший Аркадий Павлович опрокинул первые тридцать граммов *смирновской*, князь добавил:

– Боюсь, вам все-таки придется потревожить департамент. Иначе *они* сами потревожат вас – это есть очень нехорошо… А то, не дай Господь…

И многозначительно показал указательным пальцем на потолок.

XXI

Князь словно в воду глядел. Управляющий императорским двором граф Фредерикс, наслушавшись ужасов от фрейлин, лично навестил здание петергофской полиции. Причина посещения на сей раз отнюдь не касалась благодарностей за образцовую службу; сбивчивые объяснения сиятельный Владимир Борисович отмел одним своим восклицанием:

– Скорейшим образом изловить!

В то же утро на полицмейстерский стол легла телеграмма

из Департамента полиции. Не дожидаясь дневного поезда и прихватив с собой папку с протоколами следствия, полицмейстер приказал нещадно гнать лошадей.

Возглас, с которым министр внутренних дел встречал провинившегося, оказался вполне предсказуем:

– Что у вас такое творится?! Дамы уже на Невский боятся выйти… И это под носом у государя!

Ответы начальство не удовлетворили: по особому распоряжению в помощь сыску был выделен следователь Никодим Петрович Сыромятников, тотчас явившийся на вызов.

Отутюженный молодой франт, слегка поклонившийся старому облезлому барбосу, излучал самодовольство: холеными выглядели даже его поросячьи глазки. Протоколы были переданы именно ему.

Прощаясь с полицмейстером в извилистом коридоре департамента, Сыромятников сообщил, что прибудет в столицу фонтанов послезавтра «утренним», и просил не беспокоиться – до гостиницы он доберется сам. И, небрежно сунув папку под мышку, удалился, оставив Аркадия Павловича в крайне подавленном состоянии.

XXII

На входе в управление дежурный сообщил вернувшемуся начальнику, что его «ждут-с».

– По какому делу?

– Насчет мертвеца-с.

Полицмейстеру ничего не оставалось, как принять очередного посетителя.

Плотно прикрыв за собой дверь, седой господин поведал хозяину кабинета, что лет десять тому назад, еще при царе-миротворце, будучи адъютантом одного из великих князей, он попытался самостоятельно разузнать историю таинственного поручика. Пересказав затем чуть было не застонавшему Аркадию Павловичу легенду о трезвом гусаре, посетитель добавил:

– Мои усилия ни к чему не привели; результатом была внезапная болезнь. Я заболел серьезно, почти смертельно: оптинский старец взялся меня вылечить, но с одним условием – ни за что и ни при каких обстоятельствах не должен я более любопытствовать насчет малоросса… – Здесь гость, приблизившись к полицмейстеру, многозначительно прошептал: – Ибо история эта касается игры высших сил.

Распахнув одно за другим отделения стола в поисках платков и с радостью выхватив случайно найденный, полицмейстер, обмакнув им лоб, какое-то время внимательно изучал пришельца.

– Помилуйте, какие еще черти! Какие берегини! – устало запротестовал он.

– Но ведь Музыка-то был!

– Был! – еще более вяло согласился служака.

– И при том, что *был*, ничего о нем вам не известно!

– Отчего же! – попробовал возразить Аркадий Павлович. – Он служил в конногренадерах и банальнейшим образом спился…

– Не банальнейшим, не банальнейшим, – возбудился посетитель. – *Там* решили сгубить Россию.

– Где *там*?

– *Там!* На совете у Сатаны!

– Петров! Петров! – закричал тогда полицмейстер, и вопль его тотчас же был услышан.

– Пожалуйте отсюда, вашбродь, – увещевал дежурный, поддерживая сумасшедшего под локоток.

Господин закричал уже с улицы, задрав голову на окна полицмейстерского кабинета:

– Я хочу лишь предупредить, что страну ждут неслыханные несчастья!

XXIII

После того как безумец убрался, что-то щелкнуло в бедной полицмейстерской голове. Заскочившая вдруг мысль о том, что преступник действительно есть оживший мертвец, не оставляла его до позднего вечера, и от этой навязчивости никак было не отмахнуться. По приезде домой, взглянув на жену, произнес он вместо «здравствуй, душенька» изрядно встревожившее суженую: «Черт бы побрал этого Музыку!» И без конца повторял во время ужина: «Музыка, Музыка,

Музыка…»

Когда же супруги улеглись, в коротком и нервном сне верный Трофимыч гаркнул полицмейстеру в ухо: «Вашбродь, вор-то наш взаправду кровопивец!» Не заснувший более после таких слов Аркадий Павлович промучился весь следующий день: страх было не стряхнуть, словно вцепившегося ополоумевшего кота.

Ночь он опять не спал. Очередное утро также не принесло облегчения. Явившись на службу, рассеянно перебирал полицмейстер в своем кабинете бумаги, а в голове стучало барабаном: «Что, если и вправду живой мертвец?» Было от чего впасть в меланхолию: следствие не трогалось с места; все рассыпа́лось; все валилось; оставались в остатке гусарский мундир, арктического холода пальцы, запах, лицо, которое, по свидетельству жертв, не походило на физиономию живого человека. С тоской взглянул Ставицкий на портрет государя, затем взялся креститься на икону Николая в углу с пришепетыванием «свят, свят, свят». Здесь и сообщили ему о прибытии следователя.

XXIV

Отдохнувший после приезда в фешенебельном «Самсоне» Сыромятников излучал энергию. Протоколы, которые перед поездкой к министру Аркадий Павлович аккуратно собрал в папке, скомканной кучей были вытащены им из порт-

феля и оставлены на полицмейстерском столе. «Не иначе, подлец, проглядел только в номере», – понял хозяин петергофской полиции.

– Ничего полезного, – сообщил Сыромятников. – Свидетели путаются, врут, у страха, как говорится, глаза велики… Впрочем, один документик я все-таки у себя оставил.

«Явно чей-то сынок, – разглядывал полицмейстер варяга. – Сыромятников, Сыромятников… не бывшего ли начальника второго отдела отпрыск?»

Никодим Петрович весело смотрел на него.

– Что прикажете делать? – рассеянно спросил Аркадий Павлович.

– Делать вам ничего не надо, у вас по горло других хлопот: почитать местную прессу, так здешний народец весьма шаловлив – в кабаках пьянки-гулянки, крестьяне из-за межи смертным боем дерутся, одному простолюдину, если не врут эти канальи репортеры, так и вообще лошадь откусила нос.

– Тем не менее я к вашим услугам, – отвечала за бедного полицмейстера служебная привычка.

– В таком случае не могли бы вы мне рекомендовать какой-нибудь ресторанчик?

– Простите? – не расслышал полицмейстер.

– Ресторанчик, – вкрадчиво повторил Сыромятников, – с кухней, гарантирующей приятный после обеда отдых.

– Петров! Петров! Проводи господина следователя в «Трувель»!

– Пожалуйте, ваше благородие. – Урядник готов был подхватить под локоть и Сыромятникова.

– Более ничего? – рассеянно спрашивал полицмейстер.

Сладкая улыбка Никодима Петровича не оставила сомнений в том, что *более ничего*.

XXV

Несмотря на издевательский совет, Аркадий Павлович продолжил поиски. Злосчастное кладбище «обнюхали» теперь уже самым тщательным образом. Как и подозревал полицмейстер, открытий подобное рвение не принесло. Обнаруженная в береговых камышах землянка хранила в себе лишь раскромсанные сети и раскрошившиеся поплавки. Становой пристав Марычев, человек без воображения, предлагал немедля разрыть «безродные» могилы, но от мысли, что один из гробов преподнесет сюрпризец, у Аркадия Павловича начинали вибрировать пальцы рук.

Бесконечно сортируя свидетельства и доклады, он все более ужасался будущему, в котором светила ему позорная отставка. Репутацию петергофской полиции не спасало даже то обстоятельство, что за время лихорадки с гусаром удалось раскрыть дюжину мелких краж и предотвратить пару разбоев, один из которых в прежние времена почти наверняка привел бы к полному очищению ячеек отделения Дворянского заемного банка.

XXVI

«Подозрительные личности» по-прежнему попадались. Молодой человек, которого притащили в управление стражники добровольной мартышкинской дружины, назвался студентом Московского университета Иваном Коробцовым. Будущий медик имел с собой ящик, похожий на те, которые таскают на пленэр художники. Ящик был тотчас выпотрошен: подозрительный прибор, оказавшийся амперметром, проводки и проволочки осмотрены. После того, как выяснилось, что содержимое короба не имеет никакого отношения к бомбам, полиция перешла к допросу. Бедного Аркадия Павловича волновал тот факт, что известия о мертвеце достигли московского общества.

Задержанный подтвердил опасения, заявив: он прочитал о Музыке в «Русском инвалиде» и, ни минуты не мешкая, прибыл на место с «уловителем токов» и «чудодейственными проводками», предназначенными для обнаружения упыря. За установлением проволоки возле кладбищенской ограды изобретателя и застали бдительные дружинники. На резонный вопрос полицмейстера: «Зачем вам это нужно?» – юноша бледный, глаза которого еще более разгорелись, воскликнул:

– Неужели не ясно?! Изнывая от серости существования, мы в глубине души жаждем встречи с иными мирами, и, ес-

ли представился случай наладить контакт с потусторонней жизнью, отчего бы им не воспользоваться?

Чудак был отпущен, однако возвращаться в университет он явно не собирался. На всякий случай Аркадий Павлович поручил тайным своим осведомителям проследить за благонадежностью шустрого москвича. Некоторым облегчением стал рапорт последних, что политикой здесь не пахнет. Не прекративший своих опытов Коробцов снял на Знаменской комнату, разделив кровать с проституткой Аграфеной Долгих, известной среди завсегдатаев злачных мест под кличкой Конфеточка. Судя по донесениям, студент надеялся девицу перевоспитать.

XXVII

Тем временем Сыромятников сидел в номере: что он там поделывал, разузнать было совершенно невозможно. Расторопный половой, дважды в день бегающий в «Самсон» из «Трувеля» с обедом и ужином и каждый раз прихватывающий с собой бутылочку *сухого рейнского*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.